

УДК 1/14

В.М. Гонгало

ФЕНОМЕН НИЦШЕ, ИЛИ «ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА»

В статье анализируются философские взгляды выдающегося немецкого мыслителя-иррационалиста Фридриха Ницше.

Ключевые слова: мораль, провокация, мистификация, лабиринт, декадент, антихристианин, диалог, Заратустра, философская поэма, афоризм, парадокс, воля к власти, переоценка ценностей.

V.M. Gongalo

NIETZSCHE PHENOMEN OR «BEYOND GOOD AND EVIL»

The philosophical views of Friedrich Nietzsche, the outstanding German thinker-irrationalist are analyzed in this article.

Keywords: moral, provocation, mystification, labyrinth, decadent, antichristian, dialogue, Zaratustra, philosophical poem, aphorism, paradox, will to power, reappraisal of values.

Философским взглядам Фридриха Ницше посвящены сотни книг, монографий, тысячи статей, защищены сотни диссертаций и, наверное, существует столько же оценок его деятельности и творчества. Ницше с уверенностью можно отнести к числу тех немногих философов, чье имя не нуждается в представлении. Поистине, у каждого читателя будет наверняка свой Ницше, – ведь что мы ищем в другом, как не то, что есть в нас самих?.. Свою философию он рассматривал как волю к власти, как опыт переоценки ценностей, отвергая идеологию и христианскую мораль как проявление рабской психологии низов.

Ницше очень любит говорить парадоксами, желая шокировать рядового читателя, например: человек вовсе не обязан быть счастливым, к счастью стремятся только коровы, женщины, дети, англичане и социал-демократы! В самом деле, кто сказал, что жизнь должна быть непременно легкой и приятной?

Ницше – это число «13» в философском календаре. Ницше – это, без преувеличения, скандал в философии. Можно сказать, что сбывается его пророчество: «Заблестать через триста лет – моя жажда славы» [1, с. 727], – и пусть трех столетий еще не минуло, но на полтора века философ, называвший себя то филологом, то психологом, обеспечил бурное обсуждение всех своих философских сочинений. Афористические, парадоксальные выражения Ницше, казалось, для того только и рождались, чтобы шокировать рядового читателя, привыкшего к поеданию, то есть к чтению только специально приготовленных блюд.

Писать надо при высокой температуре, настолько высокой, чтобы камни плавилась, и Ницше это, на наш взгляд, удалось.

Чтобы составить себе представление об этом философе, надо дать ему слово. Его «странные», «неправильные» мысли и слова нередко парадоксальны и крайне противоречивы, но они оказались настолько живучи, что споры о по сути, «поэтическом» видении мира Ф.Ницше не утихают и по сей день; причем, одни чуть ли не боготворят его, другие откровенно ненавидят или презирают. Но ведь мыслитель предупреждал, что «поэты слишком много лгут» [2, с. 111]. Из этого нетрудно прийти к выводу о том, что философ-поэт задал работу не одному поколению исследователей его жизни и творчества.

«Мало в нем было любви – иначе бы он не гневался, что не любят его самого. Всякая великая любовь желает не любви, она жаждет большего» [2, с. 262]. Кажущаяся ясность его «афоризмов» становится провокацией для всех «чи-

тающих бездельников»: «Из всего написанного я люблю только то, что пишется собственной кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть дух. Нелегко понять чужую кровь: я ненавижу читающих из праздности. Кто знает читателя, тот уже не трудится ради него. Еще одно столетие читателей – и сам дух будет скверно пахнуть. То, что каждый смеет учиться читать, портит надолго не только писание, но и мысль» [2, с. 34], – писал, а может быть, и пел Ницше, как-никак, а заглавие свидетельствует: «Так говорил Заратустра: Философская поэма». Но что же сказано? Как это понимать? Если вообще возможно – понять поэта.

Мышление Ницше метафорично, идеи часто облечены в форму фрагментов и афоризмов. Одно из произведений Ф.Ницше так и называется: «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей»; т.е. человек и определяется соответственно: «Сколько власти, столько и человека», (хотя нам известно и другое, лучшее выражение: «Сколько воли, столько и человека»); «Критерий истины лежит в повышении чувства могущества» [3, с. 248]. Властвовать значит отдавать команды, то есть выкрикивать то, что не подвергается ни обсуждению, ни осмыслению! Хотя вряд ли подобные высказывания следует понимать буквально, скорее всего, это образные, «поэтические» и – провокационные выражения.

Воля может пониматься еще и как желание: «Жизнь не есть приспособление внутренних условий к внешним, а воля к власти, которая, действуя изнутри, все больше подчиняет себе внешнее» [3, с. 321]. Ницше вслед за Шопенгауэром мыслил волю как движущую силу становления, главным желанием в человеке полагал «волю к власти». Биологизаторские идеи Ч.Дарвина, согласно которым жизнь есть борьба за существование (и в этой борьбе побеждает сильнейший), Ницше переносил на жизнь общества: «Воля к власти может проявиться только тогда, когда встречает противодействие; она, следовательно, ищет того, кто может оказать ей сопротивление...» [3, с. 305].

«Волю к власти» Ф.Ницше характеризовал как определяющий стимул поступков человека. Чтобы понять, что такое «жизнь» и какой род стремления и напряжения она представляет, эту форму в одинаковой мере следует отнести как к дереву и растению, так и к животному: «Из-за чего деревья первобытного леса борются друг с другом? – ...Из-за власти!» Характеризуя жизнь как «специфическую волю к аккумуляции силы», Ницше утверждает: жизнь как таковая «стремится к максимуму чувства власти» [4,

с. 175-176]. Впрочем, А.Г. Спиркин справедливо замечает, что «не склонен понимать эти высказывания крупного мыслителя буквально, так сказать, напрямую, а скорее, как образные выражения» [4, с. 176].

В своей книге «По ту сторону добра и зла» он представляет дело так, будто восхваляет зло и порицает добро. В «Злой мудрости» в афоризме № 197 Ницше, как это представляется, раскрывает важнейшую мысль всех своих сочинений, по сути, это шифр, ключ, помогающий понять душу философа и одновременно предупреждающий всех «читающих бездельников»: «Наиболее вразумительным в языке является не слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которыми проговаривается ряд слов, – короче, музыка за словами, страсть за этой музыкой, личность за этой страстью: стало быть, все то, что не может быть написано. Посему никаких дел с писательщиной» [1, с. 751]. И еще одно личное признание для желающих понять мысль философа-поэта находим в письме к Г.Брандесу от 2 декабря 1887 г.: «Многие слова пропитались у меня иными солями и имеют для моего языка другой вкус, чем для моих читателей» [1, с. 30].

Философами, как и поэтами, не становятся, ими рождаются. Философии, как справедливо замечал Ф.А. Сим, нельзя научиться. Так же, как и поэзии. Тому и другому можно только учиться, почитая за счастье дарованную тебе небом жизнь. Ницше, как нам представляется, владел как раз таким редким даром, – ведь во всех его сочинениях самым причудливым образом соединялись и философия, и поэзия. Почему мы радуемся, открывая «своего писателя»? Потому что находим в его сочинениях то, что нечасто встречаем в произведениях других писателей. Запрет на философию и творчество «мизантропа», каким представляли нам Ницше в советских энциклопедиях, как раз и свидетельствует о том, как узко он был прочтен и тем более понят и комментирован. Итак, опасность для всякого исследователя, просто читателя и даже поклонников творчества философа Ницше налицо. Ведь, кроме прямой речи, обращенной ко всем, ощущается незримое присутствие автора, и его взгляд говорит много больше, чем произносимые и даже написанные им слова. Откроем, например, книгу, которую философ назвал «философской поэмой», книгу, которые мы впервые смогли увидеть лишь в 1991 году, читаем: «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого». Замечательно писал об этом подзаголовке в статье «Фридрих Ницше: мученик познания» в параграфе «Посмертные судьбы» исследователь творчества философа К.А. Свасьян. «Стань тем,

кто ты есть», – какой чудовищной пародией обернулось это тайное взыскание одинокого скитальца в ближайшей инсценировке его посмертных судеб, разыгрывающих как раз обратную картину, словно бы именно ему, гению всяческих провокаций и почетному гражданину Лабиринта, суждено было наклепать на себя эту безвкусную и во всех смыслах жалкую провокацию распоясавшегося ницшеанства и многолично стать тем именно, чем он никогда не был, да и не мог ни при каких обстоятельствах быть. В таком горьком карикатурном исполнении сбывался подзаголовок, поставленный им к книге о Заратустре: «Книга для всех и ни для кого», – сбывалась, точнее сказать, одна лишь первая часть его – «для всех» – при кричащем и разрушительном отсутствии «ни для кого», только и способном уравновесить и осмыслить невыносимую эмпирику буквально понятых «всех». «Книга для всех» за вычетом «никого» – трудно, пожалуй, сыскать более емкую и точную формулу, смогшую бы вместить весь печальный феномен ницшеанства, или Сочинений Ницше за вычетом самого Ницше, и это значит: слов за вычетом музыки, музыки за вычетом страсти, страсти за вычетом страждущего, короче, только слов, мертвых слов... что-то вроде бряцающего костью скелета. Скелет оказался на редкость популярным и общедоступным; можно было бы разложить его в однозначном ряду аксиом, одинаково звучащих для уха какого-нибудь изнеженного декадента и какого-нибудь бравого унтер-офицера: сильные должны повелевать, слабые – подчиняться, и еще: жизнь есть воля к власти, и еще: мораль есть мораль слабых, мстящих таким образом жизни полнейшей дискредитацией ее естественных прав, или еще: нет ничего истинного, все позволено» [1, с. 35].

В книге «Веселая наука» в афоризме 292 «Проповедникам морали», Ницше, словно предвидя возмущение благополучных обывателей от искусства и философии, ясно указывал, какой чудовищной девальвации удостоились все высокие, красивые и даже лучшие слова: «Я не хочу проповедовать никакой морали, но тем, кто это делает, я дам следующий совет: если вы хотите окончательно обесчестить и обесценить самые лучшие вещи и состояния, то продолжайте, как и прежде, разглагольствовать о них! Водрузите их на острие вашей морали и говорите с утра до вечера о счастье, которое дает добродетель, о душевном покое, о справедливости и об имманентном воздаянии: вашими усилиями все эти хорошие вещи снизут себе, наконец, популярность и уличное признание; но тогда-то и сойдет с них все золото и больше того: все золото в них

пресуществится в свинец. Поистине вы знаете толк в извращении алхимического искусства: в обесценивании ценнейшего!» [1, с. 632-633]. Таким образом, мастер мистификаций и великолепных провокаций Ницше под маской благоразумия в очередной раз высмеивает всех этих «проповедников морали» и «торговцев пафосом».

Сократ, который был столь близок философу Ницше, что он с ним непрерывно боролся, на вопрос о том, почему он ничего не пишет, отвечал, что бумага дороже того, что он может написать. В самом деле, если бумага дороже текста, на ней напечатанного, то стоит ли воспроизводить такой текст?.. Но ведь и Сократ задолго до Ницше выступал как непревзойденный провокатор, в беседе он поглубже запрягивал свое знание предмета и внешне казался ровней какому-нибудь неопытному собеседнику, с которым задолго пускался на поиск истины, ирония вскрывала все искусно спрятанное и часто приводила любителей мудрости в смущение. Таким образом, философ строил свою систему в форме живого диалога и ясно указывал на то, что суть вещи – невыразима, что дух не воспроизводится и не делится, подобно клетке, и что тем, кто пытается делать это, ничего не светит. Сократ вновь являет нам здесь пример отношения ко всякой «писательщине». Но что же пишет об этом Ницше? В той же книге «Веселая наука» отвечает на этот вопрос в диалоге с воображаемым оппонентом. В подпункте № 93 читаем: «Так зачем же ты пишешь? А: Я не принадлежу к тем, кто мыслит с непросохшим пером в руке, и еще менее к тем, кто полностью отдается страстям перед чернильницей, сидя на своем стуле и глядя на бумагу. Я злюсь или стыжусь всякого писания; писание для меня – естественная потребность – мне противно говорить об этом даже в сравнениях. Б: Так зачем же ты тогда пишешь? А: Н-да, мой дорогой, между нами говоря, я до сих пор не нашел еще другого средства избавиться от своих мыслей. Б: А зачем хочешь ты избавиться от них? А: Зачем я хочу? Хочу ли я? Я должен. – Б: Довольно! Довольно!» [1, с. 569]. Так вот для чего пишет философ, воскликнем мы! Чтобы избавиться от мыслей! Но где гарантия того, что мы поняли мыслителя Ницше? Не получится ли вновь, что: поняли – либо в силу своего понимания, либо – буквально.

И во всех других книгах, кроме основного заглавия, Ницше тут же помещает еще одно: «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов»; «Веселая наука. «la gaya scienza»; «Злая мудрость. Афоризмы и изречения»; «Воля к власти: опыт переоценки всех

ценностей»; «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего»; «К генеалогии морали. Poleмическое сочинение»; «Сумерки идолов, или как философствую молотом»; «Антихрист. Проклятие христианству»; «ЕССО НОМО. Как становятся сами собою».

Кроме речи, обращенной «ко всем», в сочинениях Ницше чувствуется скрытый намек, правда, настолько прозрачный, что многое становится ясным, по крайней мере, философ умело льстит читателю, особенно мящему себя понимающим. Откроем книгу «Человеческое, слишком человеческое», афоризм № 181, читаем: «Двоякое непонимание. Несчастье проницательных и ясных писателей состоит в том, что их считают плоскими и не изучают усердно; и счастье неясных писателей – в том, что читатель трудится над ними и относит на их счет радость, которую ему доставляет его собственное усердие» [1, с. 340]. С одной стороны, все написанное – банальность, с другой стороны – загадка, и тот, кто считает, что все понятно, попадает в едва ли не большее заблуждение, чем тот, кто прямо не понимает прочитанное. Еще один афоризм, № 184. «Ключ. Единая мысль, которой выдающийся человек приписывает большую ценность, несмотря на смех и глумление незначительных людей, есть для него – ключ к потаенным сокровищам, для остальных же – не более, чем кусок старого железа» [1, с. 340]. Как говорится, в точку. Как мало сказано, но как емко звучит и – заставляет остановиться.

Еще два примера из того же ряда. Афоризм № 185. «Парадоксы автора. Так называемые парадоксы автора, шокирующие читателя, находятся часто не в книге автора, а в голове читателя». Афоризм № 186. «Наиболее остроумные авторы вызывают наименее заметную улыбку» [1, с. 340]. Читать Ницше трудно. Потому что кажущаяся ясность его афоризмов соседствует с океанским дном. Возьмем афоризм № 208, озаглавленный, как «Книга, ставшая почти человеком». ...Счастливейшая доля выпадает автору, который в старости может сказать, что все бывшие у него творческие, укрепляющие, возвышающие и просвещающие мысли и чувства продолжают еще жить в его произведениях и что он сам есть лишь серый пепел, тогда как пламя укрывшись во все стороны и сохраняется по-прежнему» [1, с. 346].

Счастлив тот, кто живет ради другого. И так мы устроены, что, по справедливому замечанию Платона, в заботе о чужом счастье находим свое собственное. Но и счастье обманчиво. «Мое страдание и сострадание мое – что мне до этого? Разве к счастью стремлюсь я? Я стремлюсь к

делу своему!» [2, с. 292]. Человек должен быть озабочен не тем, что он никому не нужен, нет, но, напротив, должен сделать все возможное и даже невозможное для того, чтобы стать кому-нибудь нужным. И тогда, может быть, он с легким сердцем вспомнит слова, сказанные некогда Заратустрой: «А утром после той ночи вскочил Заратустра с ложа своего, препоясал чресла и вышел из пещеры, сияющий и сильный, словно утреннее солнце, выходящее из-за темных гор. «О великое светило, – сказал он, как уже говорил однажды, – ты, глубокое око счастья, в чем было бы счастье твое, не будь у тебя тех, кому светишь ты!» [2, с. 292].

Питательной средой для Ницше стали философские и религиозные системы древности: авеста, зороастризм, христианство, буддизм; произведения античных авторов: Платона, Сократа, Аристотеля и др. Сочинения Ф.Ницше вызвали отклик у многих его современников, это «более всего цитируемый философ с начала XX века... в философии, культуре, политике» [5, с. 168]. В чем нельзя отказать философу Ницше, так это точно в том, что он не оставляет своего читателя равнодушным, и если считать, что это едва ли не самое главное для всякого порядочного писателя, то можно сказать, что свою задачу он выполнил. Книги Ницше, без преувеличения, и шокируют, и заводят, и наводят на размышления, преследуют читателя спустя десятки лет. Потому что все в этом человеке и философе непривычно, необычно, это, можно сказать, свежая струя в современной философии. Широко распространенным является мнение о том, что писателем называют того, кто пишет, но это все равно, что называть оратором всякого, кто говорит. Нет, чтобы взлетать и парить, недостаточно еще ни говорить, ни писать, ибо справедливее было бы называть и того и другого, как того, кто прежде основательно размышляет. Но как научиться тому, чему в принципе научиться невозможно? Ясно одно, как бы то ни было, – учиться все же необходимо, вот как говорит поэт-философ: «Поистине, я тоже научился быть на страже – и научился этому хорошо, – только на страже самого себя. И в особенности учился я стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать. Ибо вот учение мое: кто хочет научиться летать, тот должен сперва научиться стоять, и ходить, и бегать, и лазить, и танцевать; нельзя сразу научиться полету!» [2, с. 173].

Еще в глубокой древности у арабов родилась замечательная пословица, она гласила: «Чернила мудрецов так же ценны, как и кровь мучеников». Шопенгауэр был не столько прочитан, сколько вчитан в судьбу: «Кто пишет кровью и

притчами, тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть» [1, с. 8]. «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью»; «люблю я кровь» [2, с. 172], – так говорил Заратустра (в данном случае Ницше от имени пророка).

Все же древние смыслили что-то весьма существенное о жизни, мало того, что они писали кровью, ибо вся история человечества, вообще говоря, писана кровью, так они еще вырезывали извлеченные из нее уроки на камне. Поистине, достойно быть напечатанным только то, что может быть выбито на камне – с тем, чтобы навеки остаться на скрижалях сердца человека.

Жизнь несправедлива по существу, считал Ницше, но разве счастье посещает исключительно богатые дома? И разве бедняк не бывает когда-нибудь счастлив? Причем, не забудем, что речь никогда не идет о длительности счастья как феномена, но всегда лишь о мгновении.

«Смерть достаточно близка, чтобы можно было не страшиться жизни» [1, с. 721], писал Ницше в книге «Злая мудрость» в главе «Мыслитель наедине с собой». Мы каждый день умираем, замечал Сенека, и каждый прожитый день принадлежит смерти, поэтому самое страшное, что может случиться, это смерть при жизни.

Жизнь всякого человека трагична, говорил Ф.А. Хомутовский в день своего 60-летия. И под трагедией мы чаще всего понимаем конечность нашего личного существования. Однако это только так кажется на первый взгляд, и разгадка кроется в самой загадке, как пламя в порохе. Трагедией мы считаем смерть, но разве сама жизнь – не трагедия?.. Разве слезы невинного ребенка, неуспехи, постоянные неудачи, отчаяние, наши разочарования и разбитые мечты – разве все это не трагедия? Разве болезни и уход близких и дорогих людей – не трагедия? И разве мы не умираем вместе с ними? Таким образом, трагедия заключается не в конечности человеческого существования, не в смерти, а в самой жизни, чреватой трагедией.

Ницше предостерегает: «Будьте же внимательны, братья мои, в те часы, когда дух ваш заговорит притчами и символами: ибо тогда зарождается добродетель ваша» [2, с. 65]. Вид человека нередко говорит о нем, о его положении, настроении и состоянии души больше, чем его язык, возможно, поэтому Ницше замечал, что «жизнь основана на видимости» [1, с. 664].

Изучать человека с тем, чтобы понять его, чтобы действовать наверняка, всегда значит подсматривать за ним – и как это по-человечески! Однако обида – плохой советчик. «Скорбь также радость, проклятие тоже благо-

словение, ночь тоже солнце, – уходите! или вы научитесь: мудрец тот же безумец» [1, с. 234]. Из этого так естественно вытекает, что все – хорошо – одно наше видение привычно разделяет единое на светлое и темное. «...все хорошие вещи смеются» [2, с. 262], – так говорил Заратустра, и все лучшее достается нам дорогой ценой. Но из этого естественно вытекает отношение ко всему дешевому – скорее мимо всех дешевых вещей!

Поистине, язык поэтов есть язык богов, как об этом замечал древний Гораций, ведь поэты говорят о том, о чем люди вообще предпочитают молчать, либо если говорят, то так, как говорить нельзя – при условии, если все произносимое ими принимать за чистую монету.

Поэт и философ Ницше прекрасно понимал, что его «истина ужасна», а избранный путь смертельно опасен: «Вся история, как лично пережитая, – результат личных страданий»; возникла ситуация небывалого риска, меньше всего рассчитанная на адекватное восприятие и понимание, больше всего – на кривотолки и удобнейшую подозрительность, где отнюдь не худшим из подозрений смогла бы показаться аналогия с бессмертной выдумкой Сервантеса» [1, с. 15] (здесь намек на «Дон Кихота», которого Ф.Ницше особо не жаловал).

Как замечает исследователь творчества философа К.А. Свасьян, Ницше: «... в сущности, прикинувшийся разбойником, музыкант, посягнувший решительно на все абсолютное, кроме собственного абсолютного слуха, и смогший, вопреки себе, расслышать Голос, к которому остались благополучно глухи века традиционной морали и профессорской философии» [1, с. 34].

Мир поэта и философа – это неисследованный кладень образов, мир множества едва уловимых намеков, мир сравнений, целый океан параллелей и аналогий, поэт, как художник, имеет способность видеть то, что большинство просто не достаивает своего внимания. Язык поэта – это всегда неожиданный текст, крутой поворот, когда начало фразы кажется банальным, зато конец уже оригинально-тупиковым.

Таким образом, хотя мы и изучаем сочинения Ницше в курсе философии, на самом деле они есть поэзия, написанная прозой, на что указывает как сам мыслитель, так и исследователи его творчества: «И еще одно юношеское признание о какой-то книге – в сущности, о всех своих будущих книгах: «По сути дела, это музыка, случайно записанная не нотами, а словами». Прибавить к этому нечего. Но какой случайностью можно было бы объяснить тот факт, что меньше

всего в этой музыке была услышана сама музыка и больше всего – насильственно отторгнутые от нее и уже не отвечающие за самих себя слова!» [1, с. 46].

Большинство людей эмоционально делят людей на друзей и врагов; буддистская и христианская этики содержат в себе универсальное сочувствие, а этика Ницше – полное отсутствие сочувствия. Тем не менее, философ не столь категоричен в разделении людей на своих и чужих. В книге «Человеческое, слишком человеческое», заканчивая отдел шестой: человек в общении, он пишет: «...у нас есть хорошие основания иметь низкое мнение о каждом из наших знакомых, и даже о величайших из них; но у нас есть столь же хорошие основания обратить это чувство и против нас самих. – И потому будем терпеть друг друга, как мы терпим самих себя; и быть может, для каждого придет некогда более радостный час, когда он воскликнет:

«Други, друзей не бывает!», – воскликнул мудрец, умирая;

«Враг, не бывает врагов!», – кричу я безумец живой» [1, с. 414].

Ясность человека, поэта и философа может оказаться «ясностью», по сути, очередным подвохом. Очевидно, что читанное не может быть настолько банальным, чтобы попасть на страницы книги, но и не может представляться уж вовсе непонятным. Таким образом, «читающий бездельник» рискует вновь оказаться в проигрыше, то есть будет судить о мыслителе Ницше в меру своего собственного понимания.

«Смерть Бога», провозглашенная Ницше, развенчание традиционных ценностей культуры, разоблачение основных постулатов морали, невозможность рационального обоснования бытия с точки зрения универсальных божественных законов, по мнению философа, приводят к тому, что только глобальное эстетическое мироощущение способно поддерживать позитивность и жизненность.

Сочинения Ницше всегда вызывали либо восторг, либо резко отрицательное отношение. Однако стоит ли говорить о том учении, которое вызывает только негативное ощущение? Разве не лучше заняться изучением трудов любимого писателя, философа или поэта?..

Таким образом, критика, если только это не голая, не зряшная критика, если она продуктивна, свидетельствует о том, что сочинения Ницше прочитаны с великим вниманием. И если в ходе чтения у читателя не прекращается глубокая внутренняя работа, если он не все принимает, но и не может все отвергнуть, если он возражает

философу, спорит с ним, то это значит только то, что время было потрачено с наивозможнейшей пользой. А раз так, то чего же еще можно было бы желать?!

Литература

1. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Философская поэма. – Алма-Ата: Жазушы; Интербук, 1991. – 304 с.
3. Ницше Фридрих. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: «REEL-book», 1994. – 352 с.
4. Спиркин А. Г. Философия: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 816 с.

5. Философия: курс лекций / Под общ. ред. проф. Ф.А. Сима. – Петропавловск, 1998. – 306 с.

Сведения об авторах

Гонгало Викентий Мичиславович – кандидат философских наук, доцент Северо-Казахстанского государственного университета им. Манаша Козыбаева, Республика Казахстан, г. Петропавловск, e-mail: vikentiig@mail.ru.

Data on authors

Gongalo Vikenty Michislavovich – candidate of philosophical science, associate professor, M.Kozybaev North Kazakhstan State University, Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk, e-mail: vikentiig@mail.ru.